

ФАРТОВЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

ЕВГЕНИЙ
СУХОВ

ПОРЯДКОВЫЙ
НОМЕР
ЖЕРТВЫ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 **Порядковый номер жертвы / Евгений Сухов.** — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-094322-7

В Москве-реке найден труп молодого человека со странной меткой в виде цифры 2 на лбу. Следователь Сергей Шамов предполагает, что это порядковый номер жертвы неизвестного пока серийного маньяка. Страшную догадку сыщика подтверждает третий труп. Но кто же был первым и кто будет следующим? Необычное объяснение происходящему дает старый знакомый Шамова, эксперт-аналитик. Он утверждает, что убийца следует определенной схеме, суть которой можно найти в старых милицейских архивах. Шамов берется разгадать загадку маньяка и приходит к ошеломляющему выводу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сухов Е., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094322-7

Глава 1

**СТРАННЫЙ ТРУП
НА ПУШКИНСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ**

— Мои руки по локоть в крови. Вы этого не видите, но я-то знаю.

— Значит, вы признаете, что убили мужчину?

— Признаю.

— Как это случилось?

— Я прогуливался по Нескучному саду и увидел этого парня.

— Ночью прогуливались?

— Можно сказать, поздним вечером.

— Скажите поконкретнее, во сколько это было?

— На часы я не смотрел, — знаете, когда я прогуливаюсь, то не особенно смотрю на время. Ну, думаю, часов десять было, а может, и позже.

— Так... А парень?

— Что парень?

— Он тоже прогуливался?

— Конечно.

— Хм, вот так прямо после десяти вечера?

— А когда же еще?

— Действительно, когда еще прогуливаться по Нескучному саду, как не поздним вечером. Народу немного, тишина.

— Ну вот... Я прогуливаюсь. Вижу — навстречу мне идет парень. Мне он сразу как-то не понравился, и я решил его убить. Когда он прошел мимо меня, я напал на него сзади и несколько раз ударил молотком по голове. Потом придушил веревкой...

— А веревкой-то зачем? На всякий случай, вдруг очнется, так что ли?

— Вроде того. Затем связал его, затолкал в мешок и скатил с Пушкинской набережной прямо в Москву-реку.

— Скажите, вы всегда, когда идете на прогулку, берете с собой молоток, веревку и мешок?

— Всегда! А как же иначе-то? Вдруг придется кого-нибудь убивать? Не искать же мешок по подворотням.

— Очень логично... А сколько ударов молотком вы ему нанесли?

— Шестьдесят семь.

— Ровно шестьдесят семь?

— Ровно. Я же считал.

— Что-то цифра уж больно не круглая получается.

— Это как сказать...

— Слушайте, Аркадий Денисович, а не пойти ли вам... куда-нибудь подальше! У меня и без вас хлопот выше головы! Убийец вы наш...

— Как же так? Это форменное безобразие! Я же вам говорю, мои руки по локоть в крови...

Разговор проходил утром двенадцатого июля две тысячи семнадцатого года в кабинете стар-

шего следователя-криминалиста Следственного управления СК РФ майора юстиции Шамова. Сергей Иванович поначалу терпеливо выслушивал высокого посетителя, пришедшего с признательными показаниями в нашумевшем на всю Москву убийстве. Потому что грубо с ним было нельзя, подобный тип людей ему был хорошо знаком: в противном случае тот пойдет с жалобами по высоким кабинетам. В результате чего придется забросить все текущие дела, прочно засесть за стол и заниматься тем, что «отписываться» по всем этим кляузам. Однако всякому терпению, как известно, приходит конец. Вот и Сергей Иванович не выдержал — сохраняя доброжелательный тон и внешнее спокойствие, произнес:

— Помойте их в нашем сортире. И идите на... все четыре стороны!

После чего вышел из-за стола, взял собеседника под локоть и, подняв со стула, повел к двери. Недвусмысленно давая понять, что на этом допрос закончен.

Посетитель вяло поплелся, уронив продолговатую голову на грудь. В самых дверях он поднял взор и, посмотрев в глаза Шамова, изрек:

— Вы совершаете большую ошибку, господин следователь. Андрея Романовича Чикатило тоже не раз вот так отпускали. После чего он продолжал убивать. Не бойтесь, что последующие убийства, которые я совершу, будут уже на вашей совести?

— Боюсь, — приложив руку к груди, признался Сергей Иванович. — Но, надеюсь, как-то переживу.

— Ну-ну, — недобро усмехнулся высокий посетитель с продолговатой головой. — Знайте: труп в Москве-реке — это только начало...

* * *

Посетителя с продолговатой головой звали Аркадий Денисович Шкаликов. В правоохранительных органах он был весьма известной фигурой. Случись в Москве какое-нибудь резонансное преступление, о котором передавали по телевизору в «Криминальных новостях» и печатали в газетах, он заявлялся в участковые пункты, отделы полиции, следственные отделы и управления и сообщал, что ему известен преступник. Покуда личность Шкаликова была еще не примелькавшейся и не получившей в правоохранительных кругах широкой известности, его внимательно выслушивали, записывали его показания, благодарили за информацию, проверяли ее.

Вскоре выяснилось, что все сказанное Аркадием Денисовичем, мягко говоря, не выдерживало никакой критики. Он оказался человеком с весьма богатым воображением. По прошествии некоторого времени, когда фигура Шкаликова стала широко известной в узких кругах, а точнее, в правоохранительных органах, от него стали отмахиваться как от назойливой мухи. Ар-

кадий Денисович посчитал такое отношение к нему крайне оскорбительным и настучал в прокуратуру и службу собственной безопасности МВД. Кто таков Аркадий Денисович Шкаликов, там еще не ведали, потому отнеслись к его заявлениям весьма серьезно, и следователи, игнорировавшие Шкаликова, получали нарекания, взыскания и прочие немилости от вышестоящего начальства. А некоторыми из них, раскопав в их работе не вполне законные деяния, занялась служба собственной безопасности.

С того времени разговаривать с Аркадием Денисовичем стали вежливо, вниманием не обделяли, но под всяческими предложениями старались как можно скорее выпроводить с глаз долой.

Когда полтора года назад за строящимися гаражами на Автозаводской улице было обнаружено тело неизвестной женщины с обезображенным лицом, Шкаликов пришел напрямиком в отдел уголовного розыска Даниловского отделения МВД и заявил, что труп женщины за гаражами — это его рук дело.

— Арестуйте меня немедленно, — потребовал Аркадий Денисович и выставил вперед руки, давая возможность сомкнуть на них наручники. Однако майор, начальник отдела, повидавший на своем веку немало чудаковатых посетителей, доставать наручники не торопился. Он уже был заочно знаком со Шкаликовым и, убедившись, что в отдел пожаловал именно он, стал неторопливо расспрашивать заявителя: как звали его

жертву, во что она была одета, как он ее убивал, каков был мотив убийства...

Аркадий Денисович отвечал весьма охотно и обстоятельно: мол, жертву звали Екатерина Воропаева, одета она была в платье розового цвета с брошью на правой стороне груди. А убивал обыкновенно, при этом он даже подал плечами (дескать, чего тут сложного), — сначала задушил, а потом для верности размозжил голову булыжником, который впоследствии выбросил в кусты. Мотив убийства тоже незамысловатый — неразделенная любовь. С кем не бывает...

— Я ее любил, а она любила другого. Очень страдал. Вот я ее и убил, — объявил Шкаликос и честно посмотрел майору в глаза. — Чтобы никому не досталась.

— Конечно, как же иначе. Значит, вы сторонник радикальных мер? — на полном серьезе спросил начальник отдела уголовного розыска.

— У меня не было другого выхода, должен же я был как-то разрулить эту ситуацию, — ответил Шкаликос. И подозрительно посмотрел на майора: — А почему вы не протоколируете мои показания?

— Обязательно зафиксируем чистосердечное признание, как же без этого, — заверил Аркадия Денисовича начальник отдела уголовного розыска. — А вот ответьте мне на один вопрос, — продолжил он, — где вы взяли булыжник?

— Из мостовой выковырял, — не раздумывал ни секунды Шкаликос.

— Где именно? — быстро поинтересовался майор.

— У Крутицкого подворья, — так же быстро ответил Аркадий Денисович.

На ходу он все придумывал или у него все было продумано заранее — никто из общающихся с ним офицеров полиции не ведал. На первый взгляд Аркадий Денисович Шкаликов казался вполне здоровым и вменяемым человеком. Своей внешностью не особо выделялся среди прочих граждан. Ну разве только формой головы, продолговатой, как огурец или скорее дыня (ну это далеко не странность, каких только голов не встречается!). И еще коротковатыми для его роста старомодными брюками с манжетами на штанинах (и это далеко не веская причина, может, у него брюки длинноваты, а подрезать — жаль!)...

Конечно, никаких обращений о пропаже некой Екатерины Воропаевой в платье розового цвета в полицейских сводках не значилось. Да и бульжной мостовой на том месте отродясь не бывало. Один сплошной асфальт! Все, начиная от имени женщины и заканчивая орудием убийства, было придумано воспаленным мозгом Аркадия Денисовича, человека совершенно безобидного и согласно последнему медицинскому заключению социально неопасного, а потому не находящегося на стационарном излечении в психиатрической больнице. Правда, в две тысячи шестнадцатом году осенью, когда у всех ши-

зофреников усиливается так называемая продуктивная симптоматика, Шкаликков заявился в Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по городу Москве на Арбате и стал требовать, чтобы его немедленно взяли под стражу за убийство первого заместителя председателя КГБ СССР генерала армии Цвигуна.

Несмотря на тяжесть заявления, случай выглядел забавным и вызывал у следователей лишь легкие улыбки.

— Это я его порешил! — продолжал кричать Шкаликков прямо на лестнице, после того как его вежливо выставили за дверь. — Прямо на конспиративной квартире! А потом отвез на дачу и там все обставил так, будто генерал застрелился.

Однако Шкаликкову этого было недостаточно, он самоотверженно предпринял несколько попыток прорваться к руководителю следственного управления, после чего был вызван полицейский наряд, и Аркадия Денисовича прямиком отвезли в Арбатский отдел МВД, где его закрыли в обезьяннике. Но Шкаликков не унимался и там: требовал снять с него показания по делу об убийстве генерала Цвигуна. Наконец его привели в кабинет заместителя начальника полиции майору Удмуртову для личной беседы. Офицер оказался весьма терпеливым человеком (а может, на тот момент у него не было каких-то важных дел), и он терпеливо выслушал «исповедь». А когда признание было закончено, сдержанно

заметил, что на момент гибели генерала самому Шкаликову было всего-то лет десять. Аркадий Денисович уверенно отвечал на неприятный выпад:

— У меня с раннего детства обнаружился криминальный талант.

Майор Удмуртов пообещал завести на него уголовное дело, заверив, что упечет его за решетку лет на двадцать, чем существенно поднял настроение Аркадия Денисовича. В действительности он поступил человеколюбиво и единственно правильно, как сделал бы на его месте всякий разумный человек. Скоренько вызвал по телефону бригаду скорой психиатрической помощи. Прибывшие в отделение полиции крепкие ребята-фельдшеры в синих костюмах с белыми поперечными полосами на рукавах и штанинах профессионально и вежливо, подхватив Шкаликова под локотки, вывели его из отделения, усадили в белый фургон с красной полосой и увезли в только им одним известном направлении.

Восемь месяцев об Аркадии Денисовиче Шкаликове ничего не было слышно. Многие стали подумывать, что в психбольнице он пришелся ко двору. И вот прямо с раннего утра двенадцатого июля две тысячи семнадцатого года он снова возник (как горячий пирог из печки!).

Его заявление о том, что труп в Москве-реке — это только начало, майор юстиции Шамов

тогда пропустил мимо ушей (чего только не скажет душевнобольной). Но ему еще не раз придется вспомнить эту пророческую фразу...

* * *

Убийство на Пушкинской набережной действительно выглядело очень необычным. Дежурная следственно-оперативная группа, прибывшая седьмого июля около восьми утра по вызову на место обнаружения трупа, была шокирована произошедшим. Конечно, начальнику группы следователю Кириченко, оперативнику, эксперту-криминалисту и тем более судмедэксперту, по своей службе приходилось видеть всякие трупы. Включая тела без кистей рук, без голов, раздавленные, побитые, деформированные, а однажды даже с отрезанными гениталиями. Но то, что предстало их взорам, они видели впервые.

Во-первых, труп находился в мешке. Он был развязан. Веревка, которой, очевидно, ранее была завязана горловина мешка, лежала рядом на ступеньке.

Мешок лежал частично в реке, частично на последней к воде ступеньке, выше которых начинались площадки для загара. По случаю паршивой погоды и непрерывных дождей — таким нынче выдалось лето — площадки для загара были безлюдны. Если не считать худого жилистого старикана-физкультурника в слегка помятых трусах с красными полосами по бо-

кам и черной майке с крупной надписью на груди: «СССР». Каждое раннее утро и независимо от погоды он истязал себя пробежкой трусцой вдоль правого бережка Москвы-реки. В этот раз, пробегая любимым маршрутом, он увидел обыкновенный ничем не примечательный холщовый мешок. Любопытство взяло верх — физкультурник спустился с набережной, подошел к мешку и развязал его. То, что он увидел в нем, заставило его невольно крикнуть (был бы валидол, так он непременно положил бы его под язык), и старик тотчас потянулся к кармашку на поясе, в котором находился мобильный телефон.

— Внучка заставляет меня брать на пробежки с собой телефон, — будто оправдываясь в чем-то, сказал позже старикан-физкультурник допрашивающему его следователю Кириченко. — Верно, боится, что со мной может что-нибудь приключиться...

Старикану было явно за семьдесят, поэтому опасения внучки были вполне обоснованны. Загорелый (когда только он успел в нынешнее-то лето) и жилистый, он выглядел вполне здоровым человеком, и охотно верилось, что он протянет без особых проблем еще лет тридцать.

Увидев содержимое мешка, старикан снял с мобильного телефона чехольчик и набрал 102. Когда ему ответили, старик подробно рассказал про мешок, где он находится и что в нем лежит. На вопрос, кто говорит, старикан-физкультурник честно назвался: Куприянов Роман Степанович.